

Пролог

НЕДОПЕТАЯ ПЕСНЯ

Он стоял на лесной дороге, усыпанной телами павших. Убитые оружием и зубами, разорванные и порубленные... Вырванное с корнями дерево брошено поперек дороги... Косматые серые волчьи шкуры и клочья черной ткани, втоптанные в грязь...

Что здесь произошло?

Власко перевел дыхание и шагнул вперед. Он шел между мертвецами, переступая через пятна крови. Взгляд бывшего толмача скользил по лицам убитых братьев-волколаков, узнавая их одного за другим, наполняя сердце горем и гневом.

Кто их убил?

Мокрая гниющая листва под ногами глушила шаги. Деревья стеной поднимались по сторонам дороги, склоняя над ней голые ветви, словно черные мертвые руки. Ничто, кроме едва слышного шуршания дождя, не нарушало тишину.

Первым на пути толмача ничком лежал молодой лютвяг из рода Шереха. Он остался в человеческом обличье — видно, погиб одним из первых. На его теле не было заметно ран, только из затылка торчал металлический нож — очень знакомый. «Проклятые накхи, — понял Власко, — братья попали в засаду...»

А вот и змеевы дети, вернее, все, что от них осталось. Не слишком много... Эти схватились уже с оборотнями и, разумеется, погибли.

«Я знаю эту дорогу, — подумал Власко, чувствуя, будто холодная рука сжимает его нутро. — Тайная тропа к Станимировой заимке...»

Рядом с вырванной из земли сосной толмач увидел огромного худого мертвеца и сразу узнал его, хоть лицо было изуродовано, а голова расколота, как кувшин. Длинные полуседые волосы, мощные плечи... «Сам Шерех! — изумленно понял Власко. — Но кому и как удалось его убить? Он же первым оборачивается в бою...» В руке предводитель волколаков все еще сжимал окровавленный кинжал. Даже его меч остался в ножнах.

Что тут произошло?!

...Власко проснулся и еще долго лежал неподвижно, смотрел невидящими глазами в темноту душевной гостевой избы и думал. Вернее, мысли его ходили по кругу, словно боясь свернуть с тропы в трясины.

— Если все это правда — надо возвращаться, — пробормотал он, когда в узком оконце забрезжил белесый осенний рассвет. — Если сон был вещий...

Путевая вежа стояла у единственной наезженной дороги, ведущей из этой части лесного края в дровские земли, в Мравец. Власко еще не нагнал посольство изорян и оттого беспокоился. Он уже несколько дней был в пути, а никаких следов посланников Учая пока не встретил. Власко винил раненую руку: разболелась, покраснела, распухла, начало бросать в жар, пришлось задержаться... Целительное зелье Векши закончилось, нового взять было негде. Рана

мучила, не давала покоя ни днем ни ночью — и вот теперь эти сны...

Вместо того чтобы с рассветом пуститься в путь, Власко просидел все утро в кружале, расспрашивая и слушая. Вскоре оказалось, что как он ни спешил, а слухи по вендским землям разлетались быстрее. Будь Власко, как прежде, одним из ближников Станимира, он бы посетовал на людскую болтливость: подобные новости были, прямо скажем, не к чести князя. Теперь же все, кому не лень, трепали Станимировы сокровенные замыслы по постоянным дворам и кружалам.

Началось все с того, что Станимир торжественно, при всем народе, отослал солнцеликую царевну Аюну изорянскому князю в обмен на дривские земли. И не было никого, кто не восславил бы княжью мудрость. От чужеземной царевны одно беспокойство, раздор и порча — а дривы лютвягам самая близкая родня. Последним дривским князем был родной дед Станимира. Так что нынче, когда истерзанные и ограбленные дривские земли с помощью изорян вырвались из-под власти Аратты, нет ничего разумнее и очевиднее, чем объединить оба больших племени в одно княжество. Как не порадоваться, что молодой правитель изорян Учай попросил в уплату за освобожденный им край всего лишь царевну...

Однако на деле Станимир лишь сделал вид, что отсылает Аюну. Видно, златовласая красавица похитила его разум! Князь обманул изорян, вместо царевны отдав им какую-то пригожую девку; саму же царевну отправил под охраной в укромное место. Однако Аюна до места не доехала, угодив в засаду накхов.

Там сложила головы охрана, а царевна исчезла. И теперь Станимир уехал куда-то на юг: то ли ловить ее, то ли мстить накхам...

Болтали еще о чудище с севера, которое накхи привели с собой. Ходит оно на задних лапах, отводит людям глаза, а зубы у него как мечи. Это страшилище и убило вождя оборотней, великого воина Шереха. Впрочем, в чудище не слишком-то верили, а тех, кто про него трепал языком, поднимали на смех. Власко тоже недоверчиво хмыкал, но внутри все морозной коркой покрывалось. Он-то отлично знал, о каком чудище речь.

«Зверюга с разными лапами кралась за нами от самого тракта, убивая людей Станимира по одному... Так мы ее и не выследили, и даже не смогли увидеть ни разу... Все правда, сон вещей был: Шерех погиб, и братья с ним! Какая потеря для Станимира! Как опечалит богиню гибель верных... Гибель, которая могла не случиться, если бы...»

После полудня, рискуя заночевать на дороге, Власко выехал в сторону Мравца. Его окружал лес поздней осени, уже скованный первыми заморозками, но пока еще не тронутый снегом. Дорога была пуста, и как ни вглядывался толмач, он не видел широких отпечатков лосиных копыт и следов возка. Куда же подевались изоряне?

Мысли Власко все время возвращались к страшному сну. Образы мертвых братьев стояли перед глазами, и в сердце нарастало беспокойство, понемногу превращаясь в невыносимую тревогу. И он уже нашел ее источник...

Власко мотнул головой. Нет, не может быть! Это лишь совпадение. Накхи давно ждали случая захва-

тить царевну. Пару раз даже попытались, но ничего не вышло. В третий раз лютвяги напали на них сами — рана на руке Власко осталась памятью о той стычке. Получается, накхи все же выследили воинов Шереха и Аюну... Но как?

«Да, это я сказал Векше, когда, куда и какой дорогой повезут царевну! Я знал, что Векша никакая не травница, а лазутчица на службе у арьев. Для того и рассказал — чтобы выкрала царевну с заимки и сбежала с ней вместе! Но я не хотел, чтобы змеевы дети вырезали охрану! Неужели ловкая девка была заодно с накхами? Быть того не может! Она же сама нас на них навела!.. Хотя почему нет? Кирану что лютвяги, что накхи, едино...»

— Я хотел расквитаться с князем, — бормотал Власко, не замечая, что говорит вслух, пока его конь шагом плелся по лесной дороге. — Женщина за женщину... а не братьев губить...

На миг ему примерещилось, что дорога, по которой он едет, усеяна мертвыми телами волколаков. Власко вздрогнул, провел ладонью по лицу, прогоняя морок, и поспешно забормотал:

— Прими их, Мать Медейна, на свои колени, приложи к груди, укрой новой шкурой...

Когда он произнес вслух имя богини, над дорогой будто холодом исподнего мира потянуло.

Власко ехал до темноты. Когда ранний закат догреб и лес погрузился во мрак, в воздухе полетели редкие снежинки. Власко мерз, раненую руку то и дело дергало болью, — похоже, жар возвращался. Дорога была пустынная, но безлюдье нисколько не тревожило бывшего толмача. Он был в своих землях; ему, ближ-

нему человеку князя, тут ничто не угрожало; скорее, он сам был тут опасностью. Встречные и люди на заставах, видя волчьи обереги, замолкали, низко кланялись и старались угодить всем, чем могли. Никто не хотел гнева зимней богини, имя которой даже вслух старались лишний раз не произносить, чтобы невзначай не накликать...

Увидев в стороне от дороги чье-то подворье, Власко обрадовался — в предзимнем лесу ему ночевать совершенно не хотелось. Однако, едва въехав в ворота и спешившись, он замер на месте — посреди двора красовался нарядный возок! Очень знакомый! Вот только... где изоряне? Где ездовые лоси? А главное — где ряженая царевна?

— А тебе, проезжий человек, какое дело до чужого добра... — оцетинился было хозяин подворья в ответ на нетерпеливые расспросы чужака.

Однако, разглядев Власко, изменился в лице, согнул спину и принялся оправдываться, будто его в чем-то обвиняли:

— Чужаки бросили возок у обочины, мы нашли и притащили к себе. Мы понимаем, господин, — возок-то княжеский, так пусть у нас пока постоит, мы за ним приглядим... Сами отвезем, куда скажут... Ну а если не нужен, так...

— Почему же его бросили? — пробормотал Власко, едва слушая его.

«Что с Суви?» — обожгла мысль.

Итак, посольство Учая тут проезжало намного раньше его. Известны ли изорянам новости о засаде? Перед Власко как живое встало худое лицо Мараса, его рыбы глаза. Если до главы посольства тоже дошли слухи, что настоящая царевна похищена нахами, в этой подмене нет больше смысла. И скорее

всего, Суви просто убьют — для послов она бесполезная обуза...

— Так в лес ушли, господин, — не замечая смятения гостя, отвечал хозяин подворья. — Свернули тропкой к Струге, к своему перевозу. Впрочем, ты их быстро догонишь. Сейчас к ночи подмораживает, ехать хорошо, сухо. Вот санный путь пока не встал, но ждем снега со дня на день. Говорят, у дринов уже всю снегопады...

Власко незаметно перевел дух. Похоже, Марас пока не знает о побеге царевны. Он верит, что Суви еще что-то значит. Нельзя терять время!

* * *

Этот вечер выдался не таким холодным, как накануне, но к ночи жухлая трава покрылась белой изморозью. Впрочем, у костра было тепло и сухо и пахло ухой — изоряне, перебираясь через лесной ручей, несколькими ударами копий добыли пару толстых рыбин. Выбрав место ночлега, послы распрягли лосей и выпустили их пасть, нарубили еловых лап, на диво быстро сложили несколько шалашей.

«Послы... Пристало ли называть диких лесных людей таким высоким словом?» — думала Суви. Уж на что дикими и страшными ей поначалу казались лютвяги, но эти — совсем родня зверям. Даже доспехи у них не железные, а собраны из нашитых на кожу костяных плашек. Да и говорят изоряне не по-людски. Порой ей казалось, что она их понимает — их язык немного напоминал говор простолюдинов Аратты, — но потом знакомые слова терялись в потоке дикарского лопотания.

Суви вздохнула и завернулась в суконный плащ, искоса поглядывая на изорян. Лесовики, готовя ноч-

лег, разговаривали и перешучивались, вовсе не обращая на поддельную царевну внимания. Напротив, через костер сидел Марас, по обыкновению устремив застывший взор в пламя. При взгляде на него у девушки мурашки побежали по коже. Молчаливого вожака изорян она начала бояться еще в первый день, и чем дальше, тем сильнее. Порой она уже вообще сомневалась, живой ли он человек. Иногда Суви наблюдала за тем, как он сидел, закрыв глаза, положив руку на грудь, и слушал... А то бормотал под нос, словно кому-то отвечая. В эти мгновения Мараса как бы осеняла тень огромного черного крыла, и губы девушки сами начинали шептать молитву Исвархе, отгоняя зло.

Где же Власко? Сколько еще ей томиться у северных дикарей? А может, что-то случилось и любимый вовсе за ней не придет? Суви погнала прочь слишком страшную мысль. С тех пор как свадебный поезд царевны Аюны захватили на южном тракте, ей казалось, что она угодила в жуткий сон. Но ведь рано или поздно он закончится? Господь Исварха явил милость — послал ей Власко, защитника в чужой земле, где служанка царевны была лишь дешевой добычей. Суви вспомнила, как попала в плен к накхам, и содрогнулась — там ее жизнь в самом деле висела на волоске... Где же милый, почему на выручку не спешит? В укладке, которую ей позволили взять из возка, на самом дне таился заветный мешочек, который дала ей с собой травница Векша. «Подсыпь в пищу, и все, кто отведает, уснут крепким сном...» Суви покосилась на котелок с булькающей ухой. Подсыпать-то не шутка — а дальше что? Изоряне потому и не следят за ней особо — понимают, что никуда она одна не убежит...

Что-то свистнуло, быстрая тень промелькнула в пламени костра. Беловолосый парень, сидевший рядом с Марасом, как раз потянулся, чтобы проверить, готова ли уха, — и тут же безмолвно упал наземь. В его шее торчала стрела.

Все вскочили на ноги, похватали плетеные щиты, кинулись к лесу, прочь из круга света.

— Откуда стреляли?!

— Вон оттуда!

— Ты и ты — быстро вон туда, — приказал Марас, пристально вглядываясь во мрак.

Двое ингри, прикрывшись щитами, бегом устремились в чащу. Однако едва они успели исчезнуть среди елей, как из темноты донесся звук тяжелого удара, крики и стоны.

Поспешившие им на помощь обнаружили двоих сородичей, корчащихся на земле. Ингри угодили в ловушку — незамысловатую, но действенную, они и сами знали в таких толк. Стрелявший из темноты загодя согнул молодое дерево и установил распорку, чтобы ингри непременно сшибли ее, кинувшись за ним в погоню. Дерево, распрямившись, хлестнуло их так, что вышибло дух, а одного еще и покалечило нарочно срезанными и заостренными сучками.

— Э, да он, похоже, один, — прошипел Марас. — Чтоб его болотник сожрал!

— Почему так считаешь?

— Был бы не один — нас бы уже со всех сторон расстреляли. Мы у костра были как на ладони. Возвращаемся...

— А если он опять начнет стрелять из темноты?

— Тогда ему придется обходить костер очень далеко! Слушайте хорошенько и поглядывайте на

лосей — они почуют его раньше, чем мы услышим. А я кое-что сделаю...

Марас пропустил всех вперед себя, а сам задержался на границе светового круга. Ингри с опаской глядели, как он поднимает руку к груди и воздевает над головой черный оберег, висящий на ремешке. Подобный оберег носил только сам владыка Учай. Хоть повелитель Ингри-маа и называл себя сыном громовика Шкая, ни для кого не были тайной его особые отношения с богиней, имя которой он избегал называть даже во время жертвоприношений. Вот и этот оберег был совсем не Шкаю посвящен... Марас что-то шептал, и казалось, что черное пятно в его руке разрастается, обволакивая поляну вместе с костром. Огонь забился, потускнел и припал к земле; стало темнее, будто туча накрыла луну.

— Пусть теперь попробует вернуться, — злорадно произнес Марас.

Словно в ответ ему, из леса понесся переливчатый волчий вой.

— Это что еще? — зашептали лесовики. — Оборотень! В земле лютвягов их полно! Отец Хирва, защити нас!

Лишь Суви радостно встрепенулась, но тут же снова опустила голову, пряча глаза и надеясь, что невольного движения никто не заметил.

— Издевается, — буркнул Марас. — Что ж, и мы наготове...

* * *

Власко, посмеиваясь про себя, снимал тетиву с лука. Один убитый, трое раненых — славно! Можно и отдохнуть. Времени достаточно, чтобы выспаться.

А его противники будут всю ночь настороже, вздрагивая от каждого шороха, пока их не сморит сон. Вот тогда, перед самым рассветом, он навестит их снова...

Да, их шестеро, а он один. Но как раз это Власко беспокоило меньше всего. Пятеро изорян — обычные лесные охотники, воины по случаю. Только главарь, Марас, вызывал у толмача подспудное беспокойство. Почему не удалось попасть в него, стреляя почти в упор? Конечно, пляшущее пламя костра могло сбить прицел, да и белобрысый юнец наклонился за ухой и закрыл жожака именно в тот миг, когда Власко спустил тетиву... Конечно, бывают всякие совпадения, однако...

Покружив около поляны и выпустив для остратки еще пару стрел, Власко ушел на заранее примененное для ночевки место. Это был невысокий холм, увенчанный большим, вросшим в землю камнем. Плоский валун вздымался над покатою вершиной — словно древнее чудище из-под земли начало лезть, да передумало и вновь заснуло на века. Даже в лучах заходящего солнца толмач отметил необычный синеватый оттенок валуна. На замшелой, покрытой мокрыми листьями спине камня отчетливо виднелась выемка, наполненная дождевой водой.

С высоты холма было видно, как за деревьями поблескивает в лунном свете широкая река. Власко прежде в этих краях не бывал, но благодаря расспросам на последнем подворье вполне представлял, где он. Река Струга текла с севера, как почти все реки в землях дринов, понемногу сворачивая на закат. По этой реке испокон веков проходила граница, разделяющая земли вендов и иноязычных племен. Впрочем, между племенами шла торговля, на реке имелись перевозки

и броды. К одному из таких бродов и направлялось посольство. Как только Власко узнал об этом, он сразу понял, что времени у него в обрез. Переправившись на другую сторону, изорянские послы окажутся среди своих, и достать их станет сложнее...

Что ж, к утру все будет закончено. Устроившись так, чтобы холм оказался между ним и привалом изорян, Власко убедился, что ветер не от него, разложил маленький костер, устроил себе лежанку из лапника, завернулся в плащ и крепко заснул.

* * *

Толмач проснулся раньше, чем предполагал, от жгучего холода. Высоко над деревьями сияла полная луна, обведенная туманным красноватым свечением. Каждая хвоинка топорщилась и льдисто блестела в ее свете. Дыхание облаком пара вырывалось изо рта, лицо и все тело онемело от внезапной ночной стужи. Власко с трудом приподнялся и потянулся к гаснущему костру, чтобы подбросить дров. Угли еще тлели, но сырой валежник, который толмач наспех собрал накануне, не желал разгораться. Вдруг Власко поднял голову, мгновенно собравшись и забыв о пронизывающем морозе. Краем глаза он уловил движение на вершине холма.

Остатки сна мигом слетели с лютвяга. Несколько мгновений Власко, замерев и почти не дыша, вглядывался и вслушивался в ночь. Затем схватил сулицу и крадучись направился туда, где среди черных, покрытых блестящей коркой стволов и ветвей беззвучно двигались тени.

Словно призрак, он бесшумно поднялся на холм, не хрустнув ни единой веткой. Признаков чужого

присутствия Власко больше не замечал, но это лишь заставило его удвоить бдительность. Когда же достиг вершины, то остановился в замешательстве. Здесь все было совсем не так, как при свете солнца! Власко — волколак — хорошо видел в темноте. Где синеватый камень, усыпанный гниющей листвой? На вершину холма вели широкие ступени. Они напоминали крыльцо, только не к дому, а к домовине. На срезанной вершине был сложен погребальный костер. Лицо Власко застыло — он увидел на краде собратьев по Станимировой дружине, тех самых, что сложили головы в битве с накхами.

«Почему они здесь? — испуганными белками запрыгали суматошные мысли. — Почему их сжигают, будто простолюдинов? Почему дрова не политы кровью врагов? Кто проводил братьев к Медейне? Неужто Станимир так и не отомстил?»

Власко помотал головой. Должно быть, он все еще спит. И в этот миг...

Огромная фигура поднялась над крадой, устремив на него взгляд рдеющих во тьме глаз. Женщина в черном плаще, с волчьей головой, вдвое выше его пристально глядела на толмача. Власко так и сжался под ее взглядом.

«Ты виновен, — сказали огненные глаза. — Мои верные погибли впустую».

Толмачом овладел смертный ужас. Охватило постыдное желание бежать, не разбирая дороги... Власко знал: это бесполезно. Он кинулся к Богине и упал на колени.

— Прости меня, о Мать Медейна! Каюсь, я виноват, я предал братьев, я предал своего князя! — сдавленным голосом зашептал он, протягивая к ней ру-

ки. — Но я не хотел, это вышло случайно... Братья ведь и раньше убивали друг друга — ты не вмешивалась...

Женщина с волчьей головой — или же волчица с женским телом, — не отвечая, опустила взгляд на погребальный костер, воздела руки и испустила раскатистое рычание. Пальцы ее заканчивались хищными кривыми когтями, острые клыки блестели в свете луны. Власко, похолодев, увидел, как зашевелились мертвые тела, как поползли в разные стороны, извиваясь, меняясь с каждым мгновением. Тьма наполнилась стонами, переходящими в звериное ворчание и заунывный вой.

Цепенея от ужаса, Власко видел, как волки — оботившиеся мертвецы — разбредаются по холму, как рыщут вокруг, нюхая воздух и землю.

«Они мертвы, мертвы! — мысленно повторял толмач, словно убеждая сам себя. — Им меня не найти!»

Но все лишь начиналось. Подняв убитых, Богиня снова повернулась к предателю. Приблизилась и наклонилась, нависая огромной тенью. Всем существом Власко ощутил — настал его последний час.

— Как мне искупить вину?! — взвизгнул он, едва владея собой. — Я твой духом и телом! Повелевай — я сделаю все, что угодно!

Косматая волчья голова оказалась прямо над ним. Из пасти пахнуло смрадом падали. Когтистая лапа сжала его запястье, обжигая то ли холодом, то ли огнем. Власко едва не потерял сознание, в глазах помутилось, а когда пришел в себя, Богиня уже отпустила его руку. Из нескольких ран в тех местах, где когти пронзили кожу, сочилась кровь. И чем больше капель падало в сырые листья, тем оживленнее и бес-

покойнее становились волки. Они замирали, при-
нюхиваясь, тихое рычание вырывалось из пастей,
шерсть на загривках становилась дыбом...

Богиня отдала его мертвецам. Выдала с головой.

И тут раздался голос Богини. Оскаленная пасть
Медейны смотрела прямо на толмача, а в его голове
сами рождались слова:

«Накорми братьев, напои кровью!»

— Напои кровью? — бездумно повторил за ней
Власко.

Единственное, чего ему хотелось, — потерять со-
знание, чтобы этот ужас наконец прекратился.

Волчья богиня то ли оскалилась еще шире, то ли
улыбнулась, поглядела ему за спину и вдруг оказа-
лась по другую сторону погребального костра. Све-
чение рдеющих глаз медленно погасло. Огромная фи-
гура начала погружаться в ночную тень. Призрачные
волки оставили поиски живой крови и устремились
вслед за ней. Красный ореол вокруг луны потускнел,
по небу, затягивая светило, поползли облака.

Один Власко даже не заметил, что Богиня уходит.
Он так и стоял на коленях, пытаясь совладать с вих-
рем мыслей.

Напоить братьев кровью? Чьей? Если бы Богиня
хотела его крови, так уже взяла бы ее. Кровью накхов?
Но те, кто устроил засаду, почти все там и полегли...
Кровью северного оборотня? Да где ж его искать...
Подлая Векша?

Вдруг кто-то легко тронул его за руку. Власко аж
подпрыгнул, затем резко обернулся.

За его плечом стояла Суви — любимая, теплая,
с пушистой косой, которая так ему нравилась. Коса
была почти как у царевны, только не золотая — знак

дочери бога, — а медовая. Эта коса послужила причиной всего: и ее горькой участи, и, скорее всего, их скорой гибели.

— Милый, я боюсь, здесь так темно...

Власко хотел обнять ее, но руки его не послушались.

* * *

Когда толмач проснулся, а вернее, очнулся у костра, он долго не мог понять, на каком он свете. Он насквозь промок от пота, хотя костер действительно почти погас и ночь была морозной. Наконец он немного успокоился, сел и принялся подбрасывать ветки в огонь. На востоке уже начинало едва заметно светлеть. Пора было вставать и идти к поляне — заканчивать охоту. Но Власко медлил, охваченный страхом и отчаянием.

Приказ Богини прозвучал яснее некуда. Он молил ее позволить ему искупить вину. И она указала способ. Ее выбор вовсе не удивил Власко, наоборот, сейчас он казался самым очевидным. И вполне в духе беспощадной Медейны. Если он отдаст Суви — будет прощен.

«Это всего лишь сон, наваждение», — попытался убедить себя толмач.

Власко хотел воскресить в памяти образ Суви, ее облик и голос, и вдруг ощутил, что не так уж и любит ее. Власко гнал прочь недостойные мысли, но они вползали в его сердце, словно черви в трухлявый пень. Нет, конечно, он не станет приносить в жертву свою любимую! Да, ради нее он отрекся от родни, предал князя, ради нее он, по сути, потерял все... Власко почти въявь представилось, как стая гонится за ним

по пятам под луной, окружает, настигает... «А стоила ли того девка?» — шепнул голос глубоко внутри. Власко аж передернуло от отвращения. В любом случае Суви ни в чем не виновата. Но если бы знать заранее, как далеко все пойдет...

«Тогда оставь девчонку в покое — у изорян она в большей безопасности, чем с тобой! — нашептывал внутренний голос. — А сам беги как можно дальше, в чужие земли, спасайся, ищи новых покровителей, кланяйся иным богам — более сильным, чем Медейна...»

Власко скрипнул зубами, встал, поднял сулицу и направился в сторону поляны.

* * *

Предрассветная тьма окутывала поляну. Костер едва тлел. Марас сидел перед ним, изредка подкидывая сухие ветки, и тогда над углями снова начинали ненадолго плясать язычки пламени. Все прочие изоряне спали. Даже те, чья очередь была сторожить, клевали носом, не в силах преодолеть тяжкую дрему. Окрики, а затем и тычки главаря не оказывали на сонных парней никакого воздействия. Это казалось Марасу странным и тревожным. Да, поляна сейчас опутана чарами — но что, если он здесь не единственный, кто способен их наводить?

— Почему не спишь? — неожиданно спросил он у Суви.

Бывшая служанка вздрогнула и вскинула голову, искоса взглянув на бледного изорянина. Его глубоко сидящие глаза были двумя провалами на лице, а третьим черным провалом глядел оберог на груди.

Марас оглядел поляну, бросил гневный взгляд на совсем заснувших сторожей, пнул ближайшего, но тот только что-то невнятно промычал. Суви съежилась. После того как Марас не заснул с остальными, она стала бояться его еще больше. Почему он не спит, как ему это удалось?

Тем временем Марас закрыл глаза, снова взял в руки свой амулет, начал втягивать студёный ночной воздух.

— Мать Зверей, — произнес он вдруг, поднимая голову и оглядывая лес. — Матерь Зверей здесь!

Суви бросила на Мараса изумленный взгляд.

— Я чувствую присутствие великой богини, — продолжал Марас, говоря то ли с девушкой, то ли сам с собой. — Этот, который стрелял, — оборотень, правда?

Суви промолчала.

— Ты должна знать! — с ноткой угрозы произнес изорянин.

— Я лишь служанка царевны...

— Служанка... — Марас поймал ее взгляд. — Станислав послал за нами в погоню своих оборотней? Неужели всего одного? Где другие? Ждут в засаде? Князь лютвягов коварен, но сына Шкая ему не обмануть!

— Я плохо понимаю твою речь! — жалобно отозвалась Суви. — Мне велели занять место царевны. Я повиновалась...

— Почему они спят? — резко спросил Марас. — Кто-то зачаровал их? Ты...

У Суви вся кровь отхлынула от лица. Она приподнялась, словно собираясь кинуться в лес.

— Ты хорошо поешь. Пой.

— Петь? — пролетела Суви. — Что... петь?

«Если великие реки Аратты выйдут из берегов — конец всему! По берегам — десятки городов, сотни деревень! А мы-то думали, беда придет с севера! Зачем Великий Ров, зачем все усилия? Что разливы Змеева моря по сравнению с *этим*?!»

Аورانг отвернулся от сияющих вод и начал быстро карабкаться в гору.

«Надо спешить в столицу! Как можно скорее рассказать о потопе святейшему Тулуму! В столице должны узнать: бесполезно строить рвы и плотины, это пустая потеря времени. Немедленно спасать людей, уводить подальше от рек...»

Рыкун первым достиг вершины хребта. Поднял голову, огляделся, понюхал воздух и издал недовольное ворчание. Он давно уже был голоден, но поросшие лесом склоны опустели, и ему не на кого было охотиться. Все звери ушли из этих краев давным-давно. Они чуяли приближение смертельной опасности намного лучше, чем люди.

— Да, дружок, — сказал догнавший его Аورانг. — Похоже, мы с тобой последние, кто тут еще задержался... Да и нам пора уносить ноги...

Так он себя и чувствовал — последним человеком, выжившим в опустевшем мире.